

столько в прошлое, сколько в будущее, и даже оппонент автора констатирует: «Похоже, что работа такого типа должна быть темой, переходящей в 3-е тысячелетие...».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Целищев В. В., Карпович В. Н., Поляков И. В. Логика и язык научной теории. Новосибирск, 1982.
2. Лейчик В. М. Языки для специальных целей — функциональные разновидности современных развитых национальных языков // Общие и част-

ные проблемы функциональных стилей. М., 1985.

3. Шелов С. Д. О языковой природе термина // НТИ. Сер. 2. 1982. № 9.
4. Drozd L., Seibicke W. Deutsche Fach- und Wissenschaftssprache. Bestandaufnahme — Theorie — Geschichte. Wiesbaden, 1973.
5. Шелов С. Д. Об одном подходе к информационному тезаурусу // НТИ. Сер. 2. 1982. № 7.
6. Никитина С. Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике (Автоматическая обработка текста). М., 1978.

Лейчик В. М., Шелов С. Д.

Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М.: Русский язык, 1986. 1134 с.

В отечественном языкознании произошло большое и давно ожидавшееся специалистами событие: вышел в свет «Словарь морфем русского языка» А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой. Событие это приобретает особую значимость ввиду того обстоятельства, что в 1985 г. в распоряжении специалистов оказался «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова. В совокупности эти издания содержат уникальный материал, который составляют словообразовательные и собственно морфемные структуры, выделяемые в русском слове.

«Словарь морфем русского языка» (СМ) содержит описание дистрибуции 5000 морфем (точнее — алломорфов корней, префиксов и суффиксов), выделяемых в приблизительно 52 000 слов русского языка. СМ включает в себя достаточно пространное теоретическое введение (Принципы морфемного анализа и построение словаря морфем), краткое руководство Как пользоваться словарем, собственно словарную часть, состоящую из Корневой, Префиксальной и Суффиксальной частей, Указатель (слов) и Приложения, обобщающие данные СМ по ряду важных для структуры русского слова параметров. В Корневой части СМ алломорфы корней расположены в алфавитном порядке и снабжены отсылками к семантически родственным алломорфам, образующим в совокупности корневые морфемы. С помощью цифр ограничены омонимичные алломорфы корней. Каждая словарная статья Корневой части под заглавным алломорфом содержит расчлененные на морфемы однокоренные слова, упорядоченные по их структурным особенностям (наличию/отсут-

ствию приставки, суффикса и под.). Если корневые алломорфы в СМ отождествляются в пределах корневых морфем (морфемное тождество алломорфов фиксируется с помощью перекрестных отсылок), то в Префиксальной и Суффиксальной частях алломорфы приставок и суффиксов в аспекте своего морфемного тождества/различия не соотносятся. Правда, в Суффиксальной части случаи наиболее очевидной суффиксальной омонимии в заглавиях суффиксальных статей учтены: например, -у- в *рисующий*, *председательствующий* и -у- в *снизу*, *сверху* помещены в СМ в разные словарные статьи. Под каждым заглавным аффиксальным алломорфом (префиксальным или суффиксальным) приводится перечень всех аффиксальных окружений, в которых встречается данный аффикс, а рядом перечисляются все корни, употребляющиеся с соответствующими окружениями: пример записи слова в словарной статье Префиксальной части под алломорфом О-О-У-ел-е-ть-тяж; в Суффиксальной под алломорфом 1Е-о-У-ел-Е-ть-тяж¹. Указатель СМ составляют списки слов, помещенных в словаре, с отсылками на корни, с помощью которых можно найти искомое слово в Корневой части словаря. Наконец, в Приложениях содержатся сводные дан-

¹ Следует отметить, что СМ — первый в нашей отечественной лингвистической традиции словарь, если не считать довольно краткого словаря Г. П. Цыганенко [1] и словаря-справочника З. А. Потихи [2], где в качестве заголовка словарной статьи выступают аффиксальные элементы.

ные о составе в СМ корней, префиксальных и суффиксальных алломорфов, отдельно описаны наиболее продуктивные корни, наиболее активные аффиксальные алломорфы, наиболее важные в системном отношении модели русских слов и морфемные блоки.

Уже из краткого описания структуры словаря явствует, что СМ представляет собой явление в нашей лингвистической традиции новое и во многом неожиданное. Это обусловливается как объективными лингвистическими обстоятельствами, так и особенностями занятой авторами позиции.

К объективным предпосылкам, определившим новаторский и непривычный характер СМ, прежде всего относится определенная неразработанность методики морфемного анализа по сравнению с методикой анализа словообразовательного². Это обусловило необходимость пространного введения в СМ, которое *значительно отличается от привычных вводных частей в словарях и в какой-то степени приобретает характер монографического исследования*. В этом разделе СМ, написанном А. И. Кузнецовой, с той или иной степенью подробности затронуты практически все теоретические проблемы, решение которых необходимо для формирования законченной теории собственно морфемного членения. Представляется целесообразным и оправданным, что при рассмотрении вопросов о целях, задачах и предмете морфемного анализа, о семантических проблемах применительно к морфемным единицам (отдельно рассматриваются проблемы омонимии морфем), о возможности эквивалентных решений при морфемном членении и, наконец, о соотношении синхронии и диахронии в собственно морфемном анализе А. И. Кузнецова как бы отталкивается от уже в достаточной степени оформившейся и привычной методики словообразовательного членения. Общий вывод о том, что «морфемный анализ мало зависит от словообразовательного...» (с. 8), естественно согласуется с целым рядом более частных, но принципиально важных для морфемного анализа теоретических установок: о естественности полной десемантизации морфов внутри словоформы (с. 4—5), о равноправности значимых морфов и «незначимых» субморфов в составе собственно морфемных структур (с. 5—6), о том, что «...семантический критерий, весьма существенный при словообразовательном анализе, отступает на второй план при морфемном анализе, в котором формальный критерий определения строения слов стоит на первом месте» (с. 6). А. И. Кузнецова

последовательно отстаивает преимущественное значение формальных критериев при осуществлении морфемного анализа: даже при разведении омонимичных алломорфов целесообразно исходить из формального, а не семантического критерия (учитывать чередования, в которые вступают/не вступают сопоставляемые алломорфы, происхождение морфов, их соотношенность с той или иной частью речи) (с. 6). К важным следствиям в практике членения может привести положение о том, что следы прошлых языковых состояний «имеют право быть отраженными в словаре морфем наряду с продуктивными элементами настоящей эпохи» (с. 7). Убедительно противопоставив морфемный и словообразовательный типы анализа, А. И. Кузнецова обращается к более подробному изложению особенностей методики собственно морфемного анализа, уделяя особое внимание проблеме вычленения разного типа морфемных единиц. И в этом разделе автор обосновывает тезис о том, что в основу морфемного анализа «...должен быть положен прежде всего чисто формальный критерий, при котором фактор значения используется только эвристически, как источник догадок, или с целью уточнения» (с. 10). Отсюда преимущественная ориентация авторов словаря на «чувство морфологической формы слова» (типичные аффиксальные окружения, системно значимые модели слов, допускающие заполнение их определенными корнями), на общее представление о морфемном инвентаре языка (набор корневых и аффиксальных морфов, выделенных на основе бесспорных и регулярных случаев реализации морфемных структур), на членение «по аналогии с существующими в языке образцами» (с. 8—12). В результате во введении к СМ обосновывается морфемное членение, базирующееся на методе сопоставления, предполагающего корректировку результатов членения наличием в языке структурно тождественных слов и противопоставляющегося методу непосредственно составляющих, который абсолютно преобладает при словообразовательном анализе.

Подводя итог краткому рассмотрению затронутых во введении к СМ проблем теории морфемного анализа, можно утверждать, что в совокупности с опубликованными ранее работами А. И. Кузнецовой рецензируемый словарь представляет в распоряжение исследователей, пожалуй, наиболее цельную и содержательную на настоящее время концепцию собственно морфемного анализа в его соотношении с другими разновидностями анализа внутренней структуры русского слова. В то же время достаточно очевидно (и это объясняется объективным со-

² Подробнее см. об этом в [3].

стоянием наших представлений о собственно морфемных структурах), что в теоретической части СМ представлен только этап осознания еще окончательно не сложившейся теории собственно морфемного анализа. Не говоря уже о самых сложных в морфемном анализе процедурах отождествления морфов, недостаточно ясно, на каком основании противопоставляют авторы синхронный, исторический и этимологический типы членения (с. 8). Более того, создается впечатление, что, определяя историческое членение как «... восстановление такого строения основ, которое было в слове до утраты (иногда сравнительно недавней) производящей основы...» (с. 8), авторы СМ ориентируются на выявление не собственно морфемных, а словообразовательных структур и неправомерно подменяют анализ морфемный анализом словообразовательным. Представляется также, что авторы СМ, провозгласив аналогическое членение в качестве основополагающего принципа морфемного анализа, проявляют известную непоследовательность, тут же заявляя, что «...членение слов по аналогии допустимо производить только в таких ситуациях, когда результаты этого членения не вступают в противоречие с этимологией...» (с. 11)³. Если считать, что собственно морфемные структуры, объединяющие конечные составляющие русского слова, являются следствием максимально полного аналогического «измерения» словоформы, то вряд ли можно согласиться с выделением в слове *косточка* суф. *-очк-* [при наличии в современном русском языке структурно тождественного слова *кор-очк-а* и широко распространенной среди существительных модели *У-к(а)*] только на том основании, что в современном словаре отсутствует слово *костька*. Несмотря на отсутствие в современном словаре узусе слов *костка*, *гробный*, *гонити*, *гимнастер*, они существуют для современного русского языка в общеграмматическом измерении, вписываясь в регулярные, системно значимые морфемные модели и делая возможным вычленение в составе слов *косточка*, *гробница*, *гонитель*, *гимнастерка* соответственно суф. *-очк-*, *-н-*, *-и-*, *-к-*⁴. Думается, что на собственно морфемном уровне, при учете

³ Остается не вполне понятным, совместимы ли с предлагаемым тезисом членения заимствованных слов типа *пальт-о-в* (с. 238), *зонт-ик-в* (с. 132).

⁴ Представляется, что авторы СМ проявляют непоследовательность, когда выделяют в существительном *гробница* суф. *-н-* (с. 91), но оставляют неучтенным производный суф. *-очк-* в существительном *косточка* (с. 165).

фактора аналогии в самом широком смысле заимствованные слова типа *банка* «скамейка на гребных судах», *балка* «брус, бревно», грамматически переосмысленные на русской почве, вопреки мнению авторов СМ (с. 26—27), выделяют в своем составе суф. *-н-*. Если рассматривать морфемную структуру как результат максимально последовательной сегментации словоформ, а не как отражение деривационной истории слова (предмет исторического словообразовательного анализа), то трудно будет согласиться с предлагаемыми в СМ членениями типа *брус-ник-а* (ср. состав слова на уровне конечных составляющих, выявляемых средствами аналогического членения: *брус-н-ик-а*), *буженин-а* (*бужен-ин-а*), *бабенк-а* (*баб-ен-к-а*) (с. 24, 43, 44). В итоге складывается впечатление, что на практике авторы СМ недостаточно четко разграничивают собственно морфемный состав слов и последовательность формо- и словообразовательных формантов, отражающих деривационную историю словоформы. Непоследовательность в разграничении собственно морфемных единиц (конечных составляющих слова) и словообразовательных формантов, допускающих дальнейшее членение на уровне общесистемной аналогии, приводит к включению в состав аффиксальных морфем производных суффиксов типа *-овищн-*, *-овищц-*, *-овк-*, *евик-*, *-ительн-*, *-ничеств-*, *-ническ-*, *-ятник-* и под., обладающих функциональным и структурным единством только в качестве единиц, обслуживающих деривационные процессы, в составе функциональных словообразовательных структур.

Вторым объективным обстоятельством, во многом определившим характер СМ, явилось отсутствие не только законченной теории морфемного анализа, но и сколь-нибудь представительных и достоверных сведений о собственно языковом материале — совокупности данных о конечных составляющих русского слова. Это обстоятельство приобретает особенное значение в силу того, что принимаемая авторами концепция морфемного анализа в значительной степени строится на учете общесистемных закономерностей в области морфемных структур, на формальном критерии строения русского слова. Отсутствие достоверных данных о собственно морфемных структурах обусловило желание авторов СМ представить в словаре объемный и значительный материал⁵. Го-

⁵ По объему представленного материала СМ значительно превышает все существующие морфемно-словообразовательные словари и справочники (с. 12—15) и уступает только словарю Д. Уорта и др. [4], включающему около 110 000 слов. Зна-

вора об этом, нельзя не отметить несомненную заслугу авторов, проделавших грандиозную работу по обработке столь обширного материала, особенно при учете не оформленной еще в достаточной степени теории морфемного анализа.

Говоря об особенностях представления в СМ конкретного языкового материала, следует обратить внимание на следующие моменты:

1. Особенности словника СМ можно разделить на две группы. Безусловно оправданным представляется исключение из словника СМ сложных слов (в плане своей внутренней структуры они обнаруживают ярко выраженную специфику), части интернациональной лексики и варваризмов (как в минимальной степени адаптированных грамматической системой), деэпричастий, сравнительных и превосходных степеней прилагательных, части образований с *не-* (как достаточно регулярных и поэтому выводимых форм), ряда специфически местоименных слов, которые обнаруживают в своем составе скорее партикулярные, чем собственно морфемные структуры⁶. В то же время

чительную часть словника последнего составляют интернационализмы и варваризмы, которые не включались в СМ (с. 16). «Русский деривационный словарь» неоднократно подвергался критике, и не всегда справедливой, в отечественных лингвистических изданиях (обзор и анализ критических публикаций по поводу словаря Д. Уорта см. в [5]). В предисловии к словарю автор акцентировал внимание на том, что в настоящем виде «Русский деривационный словарь» представляет собой не столько законченный результат, сколько промежуточный этап в описании материала, предназначенный служить базой для последующих лингвистических исследований. Если сопоставить словарь Д. Уорта со СМ, то следует отметить, что в СМ, несомненно, сделан новый (и значительный) шаг в сторону большей адекватности, лингвистической последовательности, исторической убедительности и доказательности представленных членений. Членение в СМ менее дробное и в целом более традиционное, свободное от достаточно частых в словаре Д. Уорта ошибок. В то же время «Русский деривационный словарь», являясь на 80% результатом автоматического морфологического анализа, заключает в себе уникальнейший материал для изучения структуры основы русского слова на уровне действительно «конечных» составляющих (часто допустимых только с формально-логической точки зрения).

⁶ О партикулярных структурах, характерных для местоимений и частиц, см. в [6].

представляется менее оправданным включение в СМ с целью прояснения структуры того или иного слова (с. 16) диалектных слов типа *гогулечка*, *одменье*, *котама* (с. 83, 106, 165). Привлечение этих слов для обоснования членений типа *котом-к-а*, *на-дм-ени-ый*, *загогул-и-а* необходимо только с позиций традиционного анализа состава слова, неотчетливо разграничивающего разные методики словообразовательного и собственно морфемного типов анализа. Последовательное применение метода аналогического членения, некоторое усложнение теоретического аппарата морфемного анализа дает возможность осуществить членение слова, ориентируясь на структурно-тождественные слова современного литературного языка. Трудно объяснить сколько-нибудь существенными соображениями достаточно широкую представленность в СМ причастий (тем более, что причастные суффиксы в числе аффиксальных морфем СМ отсутствуют). Вероятно, это следствие того, что в основу словника СМ был положен словник орфографического словаря (с. 15—16). В то же время исключение из состава словника дефисных написаний привело к отсутствию в СМ ряда регулярных наречных морфемных моделей (*по...ому*, *по...ему*, *по...ски*, *по...ки*).

2. Аппарат формальной представления материала в СМ (надо отметить исключительную сложность проблемы создания формальной записи, оптимальной для отражения морфемного состава словоформы) все же недоработан. Ориентация на письменную форму речи, орфографический облик слова (с. 6—7) приводит к появлению нежелательной (вроде, легко устранимой) «морфемной грязи» типа выделения *ь* в качестве отдельного компонента в составе собственно морфемных структур (*мал-ь-чуж-ан-ь*, *за-коль-ь-ца-а-ть*, *ангел-ь-ск-ий*). В качестве примера неудачной трактовки морфемного состава слов, обусловленной исключительно особенностями русской орфографии, можно привести предлагаемое в СМ выделение суф. *-ей-* в словах *сем-ей-к-а*, *бад-ей-к-а*, *кел-ей-к-а*, *лад-ей-к-а* (с. 621—622), тем более, что в результате этого приведенные слова объединяются в плане своей морфной структуры с отглагольными производными типа *жнейка*.

3. Членения, необычные с традиционной точки зрения, в СМ можно разделить на две группы. С одной стороны, убедительно объясняется спецификой собственно морфемного членения сохранение на морфемном уровне исторически исходных структур в словах, исходная словообразовательная структура которых подверглась опроценению (*вел-их-ий*, *верев-к-а*). В рамках новаторской концепции мор-

фемного анализа оправданным представляется и выделение семантически «пустых» сегментов типа *-ер-* в *мат-ер-ин-а*, *па-бч-ер-иц-а*. С другой стороны, на фоне приведенных примеров непоследовательным является невыделение суфф. *-ин-* в *хижина* (с. 375), в то время как этот суффикс аналогически легко вычленим. Часто неясны критерии, которыми руководствуются авторы СМ, расчлениая или, наоборот, сохраняя единство производных суффиксов (почему в *на-уш-н-ич-ество-о* выделяется суфф. *-ество-*, а в *жуль-ничества-о* — суфф. *-ничества?* (с. 641, 740).

4. Несмотря на то, что авторы СМ в связи с общей теоретической трудностью «... проведения границ между полисемией и омонимией аффиксальных элементов языка...» (с. 16—17) отказываются от сплошного отождествления аффиксальных алломорфов, в наиболее очевидных случаях разведение суффиксальной омонимии в СМ все же осуществляется. Представляется, что в этих случаях авторы не всегда последовательно выдерживают сформулированные во вводной части СМ принципы ориентации на тождество алломорфного варьирования и генетическое единство суффиксов. Так, вряд ли оправдано объединение в одной суффиксальной статье ИТ морфов *-ит-*, выделяющихся в словах *бандит*, *лазурит*, *волокита* (с. 765); можно усомниться и в целесообразности совместного рассмотрения *-ир-* в *командир* и *снегирь* (с. 673) и под. Много вопросов возникает и при рассмотрении результатов отождествления в СМ корневых алломорфов: например, не противоречит ли принятому критерию учета модели алломорфного варьирования отождествление корневых алломорфов в словах *беда*, *бедный* и *убеждение*, *непобедимый*, *побеждать* (с. 29), *бог*, *божий*, *убожество* и *богач*, *богатый*, *обогачать* (с. 36) и под.? В ряде случаев, напротив, разводятся корни, имеющие общее происхождение и сходное значение: 1 *бух-* и *бухан-* (с. 46), 2 *мя-* и *памят-* (с. 222, 238) и др. Имеет место пропуск алломорфов (как правило, в глагольных корнях с продленным гласным в итеративах).

Затронув проблему отождествления собственно морфемных единиц, следует отметить, что в значительной степени необычность словаря обуславливается специфической позицией авторов СМ, которая проявляется прежде всего в их «лингвистической честности». Авторы СМ не «подтягивают» материал под привычные нормы с целью создания видимости законченной картины и, не располагая в настоящий момент достаточно объяснительной теорией, принципиально отказываются

от отождествления аффиксальных алломорфов. Это, кстати, делает не совсем удовлетворительным и уязвимым для критики само название словаря.

Заканчивая рассмотрение специфики подачи конкретного языкового материала в СМ, можно констатировать, что, как и в плане теории морфемного анализа, содержащийся в СМ материал представляет собой не законченный результат, но только рабочий этап осознания собственно морфемных структур русского языка; впрочем, заключаемые в СМ сведения совершенно закономерно (и своевременно опубликованы. СМ представляет собой сложное, во многом противоречивое явление лингвистической мысли, с одной стороны, неотъемлемое от конкретного времени появления (обусловленное современным состоянием лингвистических представлений), с другой — безусловно имеющее перспективы (в первую очередь как бесценный материал, во многом и инструмент для дальнейших исследований). Особое значение имеет СМ для создающегося в настоящее время Машинного фонда русского языка. Работы по созданию машинной версии этого уникального словаря морфем заканчиваются в ЛГУ.

В заключение хочется поздравить авторов и всех заинтересованных в изучении проблематики структуры русского слова лингвистов с выходом своевременной и очень нужной книги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка. Киев, 1982.
2. Потиха З. А. Как сделаны слова в русском языке: Справочник служебных морфем. Л., 1974.
3. Богданов С. И., Евтюхин В. Б. Задачи описания разновидностей внутренней структуры русской словоформы (Проблемы формообразовательного и морфемного типов анализа) // Сравнительно-типологические исследования славянских языков и литератур. К IX Международному съезду славистов. Л., 1983.
4. Worth D. Russian derivational dictionary. N. Y., 1970.
5. Уровни языка в речевой деятельности (К проблеме лингвистического обеспечения автоматического распознавания речи). Л., 1986. С. 151—161.
6. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (На материале славянских языков). М., 1985.

Богданов С. И., Голубева А. В.